

УДК 82.09

Проблема творчества в критике Екатерины Бакуниной (по материалам рецензий в журнале «Числа», 1932-1934)

Симонова Мария Сергеевна

Магистрант,

Томский государственный педагогический университет,
634061, Российская Федерация, Томск, ул. Киевская, 60;

e-mail: marsim@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы рецензии писательницы Екатерины Бакуниной, представительницы первой волны русской эмиграции, опубликованные в журнале «Числа» в 1932-1934 годах. Выделены тематические предпочтения авторской критики и творческие принципы писательницы.

Для цитирования в научных исследованиях

Симонова М.С. Проблема творчества в критике Екатерины Бакуниной (по материалам рецензий в журнале «Числа», 1932-1934) // Язык. Слоvesность. Культура. 2014. № 6. С. 10-27.

Ключевые слова

Екатерина Бакунина, писательская критика, эмиграция первой волны, журнал «Числа», «человеческий» документ, «парижская нота», женская проза.

Введение

Критика была одним из важных направлений деятельности писателей-эмигрантов первой волны [см. в частности: Henry, 1993; Zinoviev, 1999; Porter,

1999]. «Едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы должны будут быть признаны разные формы нехудожественной литературы – критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература», – писал Глеб Струве [Струве, 1956, 248]. Свое критическое мнение по поводу новой литературы диаспоры и метрополии, а также современной зарубежной литературы высказывали не только авторы, обладающие определенным признанием и известностью, но и молодые писатели. Одной из главных «площадок», дающей возможность для свободного выражения собственных взглядов младоэмигрантам, в 1930–1934 гг. стал журнал «Числа». В отличие от критики «мэтров», критическое творчество молодых авторов изучено пока недостаточно. Целью нашего исследования стала характеристика критических публикаций Е.В. Бакуниной.

Творчество и литературная критика Е. Бакуниной

Екатерина Васильевна Бакунина (1889 – 1976) – прозаик, поэтесса, критик. В 1923 году она эмигрировала во Францию. Была членом парижского Союза русских писателей и журналистов. Ее роман «Тело» вызвал в 1930-е годы острую полемику в эмиграции, критики давали этому произведению противоположные оценки. Некоторые писатели не приняли исповедальный рассказ героини Е.Бакуниной, ее внимание к телесным переживаниям, натуралистичную любовную линию. К примеру, В.Ходасевич обвинял автора в увлечении физиологическими моментами, а З.Гиппиус – в «жено-бабстве» [Демидова, 2000, www]. В то же время о «Теле» говорили как об одной «из самых искренних и бесстрашных» книг [Фельзен, 1933, 217]. Произведения Бакуниной привлекли к себе внимание не только русских эмигрантов, но и были переведены на французский, чешский, немецкий языки в первый же год после публикации [см. Iangirov, 2008, 24].

Параллельно с работой над романами Е.Бакунина в 1932-1934 годы является секретарем редакции парижского журнала «Числа», в этом издании публикуются ее стихи, проза и рецензии [См. Русская литература ..., 2005, т.1, 156; Демидова, 2000, www].

История и культурная роль журнала «Числа»

Журнал «Числа» выходил в Париже 1930-1934 годах, всего было выпущено десять номеров (из которых два были сдвоенными), и сыграл большую роль в создании «метарассказа» русской литературы первой волны эмиграции [Wanner, 2011]. В нем публиковались произведения не только известных писателей: «Молодые поэты и писатели благодаря «Числам» окончательно нашли себя и получили право голоса во всей зарубежной печати наряду со старшим поколением» [Струве, 1956, 128]. Как отмечает зарубежный исследователь, «эмиграция дала многим интересным и одаренным писателям первую возможность опубликоваться» [McMillin, 1989, 413].

«Числа» собрали не только поэтов и писателей из среды младшего поколения, но также критиков и идеологов. Беседа о «человеке тридцатых годов», начатая в «Числах», помогла многим молодым авторам осознать свою тему, свое мироощущение, которое затем окончательно оформилось в так называемой «Парижской ноте» (название принадлежит Б.Поплавскому и появилось в одной из его статей в «Числах»), во многом благодаря этому журналу. Н.Летаева в своем исследовании полагает: «Секрет неугасаемого внимания к этому журналу русской эмиграции первой волны – в несомненном успехе сотрудничества молодого поколения со старшим. Г.В. Иванов, Г.В. Адамович, Н.А. Оцуп не заслоняли, а подчёркивали талантливость Б.Поплавского, М.Агеева, Г.Газданова, Е.Бакуниной, Ю.Фельзена, С.Шаршуна, С.Горного, других «численцев». Результат оправдал ожидания тех, кто не сомневался в возможности существования русской литературы в эмиграции, верил в появление достойной смены старшему поколению» [Летаева, 2003, www].

Один из ведущих авторов «Чисел» – Г.Адамович, поэт и критик, полемист, знаток русской классической литературы. «Адамович сумел в эти годы стать тем «арбитром изящного», к которому тянулась поэтическая молодежь «русского Парижа», центром, вокруг которого стала постепенно собираться группа учеников и единомышленников» – отмечает К.Ратников [Ратников, 1998, 7]. Большинству поэтов и прозаиков, публиковавшихся в «Числах», была близка концепция Г.Адамовича о литературе как «человеческом документе»,

«призванном предельно правдиво, ничего не утаивая и не приукрашивая, запечатлеть отражение живой личности его автора» [Ратников, 1998, 24].

Художественное и нехудожественное творчество Е.Бакуниной подтверждает ее близость к кругу Г.Адамовича и его эстетической программе. Писательская критика как эксплицированное выражение эстетических представлений является неотъемлемой частью художественного мира любого автора. Изучение критической деятельности Е.Бакуниной позволяет реконструировать малоисследованное пространство младемигрантской нехудожественной прозы и лучше понять ее индивидуальную эстетику. Так, А.П. Казаркин замечает: «Писатель-критик судит современную литературу пристрастно, прямо или косвенно он в этих оценках выражает собственную творческую программу» [Казаркин, 2004, 180].

Эстетические идеалы и тематические предпочтения в критике Е. Бакуниной

Внимание к проблеме творчества естественно для всех художников, а в эмиграции она обостряется из-за потери своего читателя. Однако «эмигранты, уже буквально отстраненные (остраненные) от родины, встретившись с экономическими трудностями и изоляцией в других странах, продолжали считать себя русскими писателями» [Slobin, 2005, 708]. Первая публикация Е.Бакуниной в журнале «Числа» посвящена ключевому для большинства авторов вопросу: «Для кого и для чего писать» [Бакунина, 1932, Для кого...]. Это единственный случай, когда молодая писательница публикует не рецензию на чужую книгу, а посвящает эссе выражению своих собственных творческих принципов.

В первую очередь автор сравнивает положение старшего и младшего поколений эмигрантской литературы: «Человек, который начинал писать в прежнее устоявшееся, довоенное, а для русских и в дореволюционное время – мог писать, в глубине души своей, предугадывая, что он будет услышан и достигнув этого, сам становился одной из точек общей писательской касательной. Теперь условия изменились. Начинают писать ни на что не надеясь, зная что голос звенит в пустоте» [Бакунина, 1932, Для кого..., 255]. Писателя Е.Бакунина

воспринимает как представителя определенного объединения, литературного течения: «Писатель, как мне представляется, с одной стороны является членом какого-то, хотя бы и ничем внутренне не спаянного, литературного сообщества» [там же]. Автор статьи не принадлежит ни к каким объединениям, и о себе Е.Бакунина пишет: «не считаю себя писателем или во всяком случае не совсем подхожу под это понятие» [там же]. Характеризуя ситуацию с читателем, Е.Бакунина констатирует: «по инерции» интерес вызывают произведения тех, кто стал известен еще до эмиграции, те же, кто только приходит в литературу в чужом краю, могут добиться успеха в большинстве случаев с помощью «примеси скандальности» [там же].

Зачем же тогда пишут те, у кого в эмиграции нет читателя? Е.Бакунина объясняет: для себя, поскольку «невозможно выдержать молчаливо противопоставление себя миру, в немоте принять всю его боль. В конце концов нужно или умереть или как-то из себя выйти, преодолеть одинокое непонимание бессмыслия рождения и насилие смерти» [там же]. Среди того, что необходимо для избавления от боли – перо, а также кисть, резец, музыкальный инструмент или порок, они у автора статьи оказываются в одном ряду.

Источник творчества по Е.Бакуниной – «нестерпимость молчания», причем особенно она подчеркивает сложное положение женщин, более чутких, от природы более эмоциональных: «И каждая женщина – потенциально – кликуша» [там же]. Эмиграция порождает особенно чувствительных людей, нуждающихся в письме: «Некоторая часть людей всегда рождается без кожи. Облупляет их и культура. Таким бескожным или с содранной кожей – тяжелее других. Они как бы аккумулируют разлитую в мире боль, так что даже металлические люди, роботы современности, ощущают толчок разряда при соприкосновении. Среди бескожных много пишущих не писателей» [там же].

Тех, кого Бакунина определяет как «не писателей» отличает «любопытство к подлинности». Речь идет о литературе как «человеческом документе», о ее связи с драматичной жизнью, отказе от литературности: «Может быть искусство, как таковое, утратило свою непререкаемую ценность. Важнее не то, «как» сказано или сделано, а то, «что» сказано или сделано. Доходчивой оказывается предельная правдивая простота – безыскусственность, как в жизни

некрасивое лицо душевной правильного» [там же]. «Что», то есть содержание, умение его фиксировать, ставится выше формы, эстетики.

Основные положения, прозвучавшие в статье «Для кого и для чего писать», затем в той или иной степени выражаются в рецензиях Е.Бакуниной на книги других авторов.

В «Числах» № 6 кроме программного эссе о творчестве Е.Бакунина публикует еще и две рецензии на книги.

Статья «Последние и первые» посвящена роману Н.Берберовой, также представительнице младшего поколения литературной эмиграции. В 1930-е годы Берберова была известной благодаря малым формам, рассказам («Биян-курские праздники») и повестям («Аккомпаниаторша», «Роканваль»). «Нину Берберову узнаешь, не читая подписи» [Бакунина, 1932, Нина Берберова..., 258], – подчеркивает Е.Бакунина в самом начале рецензии. Новая книга стала первым обращением Н.Берберовой к жанру романа. Автор рецензии отмечает в романе «Последние и первые» диалог с современной советской литературой и связь с классикой: «Есть нечто напоминающее Леонова в писаниях Берберовой (чтобы не сказать – Достоевского)» [там же]. Это наблюдение говорит о том, что творчество автора «Последних и первых» ближе к литературной традиции (Серебряного века) и эстетической линии В.Ходасевича, чем к принципу «человеческого документа». Впрочем, в то же время Е.Бакунина отмечает: изгнание Н.Берберова «рисует правдиво и выразительно, хотя до известной степени сама сковывает свой талант искусственными схемами. В ее романе виден скелет замысла. Но замысел торжествует, как бы вопреки автору, и сквозь нарочитость проступает подлинная жизнь» [там же]. Несмотря на то, что автора рецензии интересует в романе Н.Берберовой именно жизнеподобие, а не литературность (аллюзивность образов и сюжета), она не может не констатировать обращение к эстетизации быта, поэтому ее нельзя отнести к создателям «человеческого документа». Впоследствии Берберова, как известно, обращается к документальной форме [см. Peterson, 2001; Kalb, 2001].

Статья, посвященная творчеству норвежской писательницы Сигрид Ундсет, нарушает традиции раздела рецензий, поскольку речь в ней идет не о новом издании. «Писать следует о книге, которая взволновала, проникла в

душу, независимо от даты ее опубликования» [Бакунина, 1932, Сигрид Ундсет, 264] – поясняет свой выбор Е.Бакунина. Автор рецензии анализирует, за счет чего писательнице удастся добиться такого эффекта, и приходит к выводу: мастерство Ундсет в том, что она «заставляет читателя вживаться в существование ее героев и им сострадать». Норвежская писательница, ее творческая манера, противопоставляется одному из самых обсуждаемых романов того времени, «Улисс» Джойса: «В противоположность суткам Джойса, преломленным в мозгу, она дает мощное генеалогическое древо и не малой долей своего успеха обязана умелому применению реалистически-психологического метода в описании исчезнувшей эпохи» [там же]. Е. Бакунина уточняет, что романы С. Ундсет – не фантазия, не творческая игра, в их основе не домыслы, а доскональное знание предмета: писательница – старшая дочь археолога, профессора Ингвальда Ундсета, она с ранних лет помогала отцу в его работе, и «глубокое знание ею норвежского средневекового быта имеет корни в этом раннем и позднейшем изучении истории, археологии, древних саг и обычаев» [там же].

Автор рецензии подчеркивает: речь идет не о стилизации. Романы С.Ундсет настолько жизненны, что ей удается словно возвращать прошлое: «Это не маскарад и не ряженые, а расширение жизни человека, отнесение ее за грань рождения – в то, что минуло, сызнова оживляемое творческой силой» [там же]. Для того чтобы ярче передавать жизнь прежних времен, С.Ундсет окружает себя соответствующей обстановкой. Она живет в доме, которому тысяча лет, носит одеяния времен викингов, коллекционирует старинную утварь. Важно и местоположение ее жилья: «Неподалеку от ее дома находятся развалины того самого знаменитого Хаммерского собора, который она так возвеличивает в своих романах» [там же, 265]. Благодаря этим источникам вдохновения из прошлого, С.Ундсет удастся быть убедительной, достоверной в своих книгах.

Другой важный для автора рецензии момент: норвежская писательница умеет правдиво рассказывать «историю женской жизни». Е.Бакунина в год создания статьи работает над своим романом «Тело», который также посвящен женской теме. В умении передавать «трагическую непримиримость по-

лов и взаимное мучительство, возникающие в любви», Е.Бакунина сравнивает С.Ундсет с К.Гамсуном, причем последний «как бы скользит по поверхности туманными намеками, тогда как Ундсет в описании страдания достигает библейски-страшной простоты и договоренности» [там же].

Способность правдиво рассказывать о жизни, писать о том, что ей хорошо известно – такой творческий подход принес С.Ундсет успех: в 1928 году она стала лауреатом Нобелевской премии. Признают писательницу и читатели: ее трилогия «Кристин Лоранс» издана тиражом 120 тысяч экземпляров, романы переведены на шведский, финский, датский, английский и немецкий языки [см. Berguson, 2011; Reihert, 1999].

В рецензии приводятся и факты из биографии скандинавской писательницы. Ее жизнь долгие годы складывалась непросто: детство «между пыльной археологией и пыльной улицей», потеря родителей в одиннадцать лет, «юность и молодость, изъеденная работой» (10 лет подряд С.Ундсет – секретарша в одной и той же конторе) [там же, 265]. Но, как бы тяжело не складывалась ее жизнь, «по вечерам и по праздникам тайно писала». Эта невозможность молчания при крайне тяжелом быте созвучна ситуации эмигрантов, тех самых «бескожных пишущих не писателей» из статьи Е.Бакуниной «Для кого и для чего писать». То, что со временем книги С.Ундсет оценили, может стать для непризнанных авторов жизненным стимулом.

В «Числах» № 7/8 (1933 год) вышло две рецензии Е.Бакуниной на книги. Первая из них посвящена «Le Chemin de l'Oubli» (фр. «Дорога забвения»), автор – политический деятель, эсер В.Зензинов. Это рассказ о его ссылке в заполярье, в Русское устье, где террорист постепенно превратился в географ-исследователя. Автор рецензии подчеркивает положение, в котором находится Зензинов: «среди ледяного одиночества и мертвого безмолвия снеговой пустыни» [Бакунина, 1933, Le Chemin de l'Oubli, 270], что очень созвучно «голосу, звенящему в пустоте» из ее эссе «Для кого и для чего писать». Кроме того, для «числовцев», для авторов круга Г.Адамовича, одиночество – близкое состояние, оно часто становится поводом к творчеству: «Одиночество, ощущение отъединенности от людей и мира являются, по Адамовичу, самым мощным побудительным стимулом к творчеству» [Ратников, 1998, 22].

Е.Бакунина перечисляет описанные Зензиновым тяготы полярной жизни, но отмечает: это «книга о бодрости и, пожалуй, героическая книга». Объясняется такая оценка тем, что «несмотря на невероятные, подчас превышающие силы человеческие трудности, какие приходилось преодолевать автору за четыре года ссылки – он страстно любит жизнь, эстетически ее воспринимает и заставляет читателя увидеть красоту севера» [Бакунина, 1933, Владимир Зензинов..., 270]. В.Зензинов говорит о том, что видит, передает жизнь во всех подробностях, будь то «бесконечная полярная ночь, томительная, негаснущая днями, в ужасающем холоде» или «великолепные северные сияния, огромные звезды на холодном небе, ослепительные алмазы снежных россыпей, мощный ледоход, жданная короткая весна, странное лето, почти без цветов, но с обилием птиц и снова зима, стремительная езда на оленях или собаках, и опять снег, снег и мертвая хватка мороза» [там же]. Такой подход близок к концепции «человеческого документа».

Автор рецензии высоко оценивает книгу Зензинова, подчеркивает, что она дает читателю «ключ к постижению жестокого очарования Севера» Бакунина, 1933, Владимир Зензинов..., 270]. Е.Бакунина разъясняет, что добиться этого исследователю удастся благодаря соединению серьезного этнографическо-географического труда с ясным и легким занимательным изложением. Содержание и отсутствие сложной формы повествования перекликается с проговоренным Е.Бакуниной в статье «Для кого и для чего писать» принципом «Важнее не то, «как» сказано или сделано, а то, «что» сказано или сделано».

Также в «Числах» № 7/8 опубликована рецензия на книги, изданные в советской России. Это двухтомник «Русская сказка. Избранные мастера. Редакция и комментарий М.Азадовского». Большинство отзывов о советских изданиях в «Числах» носили резкий характер, в них отмечались многочисленные недостатки, в том числе полная зависимость литературы от официальной идеологии. Сборник фольклора становится исключением, поскольку речь идет о произведениях, родившихся задолго до революции 1917 года.

Е.Бакунина в начале статьи уточняет, что сказки, о которых идет речь, не для детей, более того, «в простоватой передаче сказителей проскальзывает

иногда нечто от «Декамерона», наивное бесстыдство, но безо всякого оттенка порнографичности, так как в нем нет никакого смакования, а лишь житейская обстоятельность» [Бакунина, 1933, Русская сказка..., 279]. Русский фольклор становится для эмигрантов, «людей оторванных от родины, быта, словотворчества», возможностью перенестись в «живую, неизуродованную Россию» [там же], поэтому Бакунина ценит точную запись устной речи, отмечает, что «новые начала» (советская орфография, против которой выступали особенно старшие эмигранты) в них еще не внедрили: «М.Азадовский как бы утверждает бытовую и психологическую самостоятельность народной толщи, нашедшую отражение неизменности казалось бы текучей, подвижной и переменчивой устной передачи – сказки» [там же, 281]. Материал взят из сборников, где сохранены все особенности речи и манеры рассказчиков. Значимо и то, что в издании много информации о сказителях и сказительницах, приведены их фотографии, подробные биографические сведения. Множество подробностей и дословно переданные тексты историй Е.Бакуниной воспринимаются как достоинство сборника, они создают «жизненную убедительность сказки, отражая в то же время быт и личность» [там же]. Автор рецензии рассказывает о некоторых сказителях и их творческой манере: Абрам Новопольцов, крестьянин села Помряськина, Ставропольского уезда Самарской губернии, рифмует истории. Белозерскому крестьянину Илье Семенову привычна торжественная манера повествования. Особое внимание в рецензии уделяется Ефиму Кокорину по прозвищу «Чима», слепому крестьянину из села Кежмы (Енисейская губерния). Он умеет рассказывать так, что герой кажется слушателям «чуть ли не реальной личностью, а его похождения – как бы осколками действительности» и «свободно дополняет сказку собственным воображением, на основе доступных ему жизненных положений, достигая этим особенной убедительности» [там же, 280]. Сказитель, для манеры которого характерна не определенная форма (рифма), стилистика (торжественность), а убедительность, умение сделать героя живым, подлинность, вызывает у Е.Бакуниной значительно больший интерес, чем остальные.

В «Числа» № 9 (1933 год) Е.Бакунина пишет рецензию на французское издание, автобиографию известного художника Марка Шагала «Ma vie» (фр.

«Моя жизнь»). Это статья, в которой автор уделяет пристальное внимание образу творца и его творческому процессу.

Писательница сразу же характеризует книгу как замечательную. Главные причины такой оценки – «образ человека творческого склада» и «ключ к постижению творческого процесса» [Бакунина, 1933, Marc Chagal..., 221]. М.Шагал пишет о том, что близко и понятно всем творческим людям: «о практической беспомощности человека, обреченного искусству, и о той неодолимой силе, которая заставляет такого человека, наперекор всему, идти своим путем». Это перекликается с «нестерпимостью молчания» и «невозможностью не писать». Идти своим путем трудно даже без эмиграции. Автор рецензии приводит факты из книги М.Шагала: на родине художник проваливался на экзаменах и не сразу пришел к своей творческой манере, а только «отчаявшись в том, что он может научиться кому-нибудь подражать, дает волю своему я» [там же].

Е.Бакунина говорит о полотнах М.Шагала как о «с фантастической реальностью восстановивших куски ушедшего времени» [там же]. Прежде она отмечала подобное умение оживлять прошлое в романах С.Ундсет. Вероятно, желание вернуть минувшее важно для оторванных от России эмигрантов, поскольку многие из них обращаются в своих произведениях к воспоминаниям о жизни на родине.

Творческий процесс в «Моей жизни» М.Шагала, по мнению автора рецензии, представлен всепоглощающим, позволяющим создать собственную реальность: «Интересно в книге описание внутреннего состояния художника, его горения, самозабвения и забвения всего окружающего». Художник так увлекается работой, что в дни революции и смены власти в России не следит за политикой, а предпочитает смотреть на облака, писать эскизы: «Искусство – подлинная его жизнь, и потому внешние препятствия для него только вехи, не позволяющие ему заблудиться на творческом пути» [там же, 222]. Е.Бакунина выявляет «рецепт» Шагала, помогающий ему пережить сложные жизненные ситуации: он любит «припав к земле, шептать ей свои печали и молитвы» [там же, 221].

В финале рецензии автор подчеркивает: книга М.Шагала «лишний раз убеждает в том, что правда побеждает выдумку. Нет ничего занимательнее

жизни» [там же, 222]. Именно в жизненности, достоверности сила произведений этого художника [ср. Scolnicov, 2009; Attias, 2000].

Отзыв на книгу эмигранта А.Седых «Люди за бортом» опубликован в «Числах» № 9 за подписью «Ек. Б.» в заключительном разделе журнала, где давались лаконичные рецензии. Автор фиксирует: книга «очень живо отражает трудовой эмигрантский быт» [Бакунина, 1933, А.Седых..., 280]. Е.Бакунина называет А.Седых «отличным фотографом», это позволяет сделать вывод: писатель близок к натурализму, что для Е.Бакуниной, ценящей принцип «человеческого документа», несомненное достоинство. Фразы «Герои же книги, разбросанные в настоящее время по Франции, признают удачными свое изображение» и «Те, кто в книге узнают себя, оценят это» [там же], наводят на предположение, что у героев есть прототипы. Достоверность описания жизни в изгнании у А.Седых так высока, что в будущем она, по мнению Е.Бакуниной, «останется о нем воспоминанием» [там же].

В последнем номере «Чисел» (в 1934 году журнал прекратил выходить из-за финансовых проблем) внимание Е. Бакуниной привлекает новый роман «Claude» («Клод») французской писательницы Женевиьев Фоконье. «Женские будни» писательница в этой книге передает в форме дневника героини, где «с прелестной изобразительностью отмечает повседневные события, оседающие на нее как пыль и погребаящие ее как снег» [Бакунина, 1934, Geneviève Faconnier..., 296]. Такой способ организации повествования близок к принципу «человеческого документа», где запискам, дневникам всегда уделялось большое внимание.

Главное, чем «Клод» привлекает Е.Бакунину, – это «Отсутствие внешних драматических эффектов. Это самая простая, самая обыкновенная жизнь – брак, долг, семья» [там же]. Таким образом, рецензируемый западный роман также вписывается в концепцию литературы, повествующей о подлинной жизни.

Заключение

Статьи Е.Бакуниной показывают, что ей близок принцип «человеческого документа». В этом убеждает и ее программное эссе, и рецензии, где автор

обращает внимание на такие черты текстов, как достоверность, натурализм. С представителями «парижской ноты» писательницу объединяют мотивы одиночества, безысходности, потерянности. Е.Бакунина отличается от большинства своих товарищей, эмигрантов первой волны, своим интересом к женской теме, к романам, посвященным женским судьбам, к творчеству других писательниц. В интересе к натурализму, к женской писательской работе и к мотивам одиночества заключается главное своеобразие ее рецензий.

Библиография

1. Бакунина Е. А.Седых. Люди за бортом // Числа. 1933. № 9. С. 280.
2. Бакунина Е.В. Geneviève Fauconnier. «Claude» // Числа. 1934. № 10. С. 295-296.
3. Бакунина Е.В. Marc Chagal. Ma vie // Числа. 1933. № 9. С. 221-222.
4. Бакунина Е.В. Владимир Зензинов. Le Chemin de l'Oubli // Числа. 1933. № 7/8. С. 270-272.
5. Бакунина Е.В. Для кого и для чего писать // Числа. 1932. № 6. С. 255-256.
6. Бакунина Е.В. Нина Берберова. «Последние и первые» // Числа. 1932. № 6. С. 258.
7. Бакунина Е.В. Русская сказка. Избранные мастера // Числа. 1933. № 7/8. С. 279-281.
8. Бакунина Е.В. Сигрид Ундсет // Числа. 1932. № 6. С. 264-265.
9. Демидова О.Р. «Эмигрантские дочери» и литературный канон русского зарубежья // Пол. Гендер. Культура. М., 2000. Т. 2. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/bibl/pol_gender_cultura_m2000_d_b
10. Казаркин А.П. Русская литературная критика XX века. Томск: ТГУ, 2004. 350 с.
11. Летаева Н.В. Молодая эмигрантская литература 1930-х годов: проза на страницах журнала «Числа»: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/molodaya-emigrantskaya-literatura-1930-kh-godov-proza-na-stranitsakh-zhurnala-chisla>
12. Ратников К.В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1998. 162 с.

13. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 1. 733 с.
14. Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956. 408 с.
15. Фельзен Ю. Екатерина Бакунина. Тело // Числа. 1933. № 9. С. 217-218.
16. Attias L. Spreading Chagall's Message // ARTnews. 2000. Vol. 99. Issue 2. P. 152-156.
17. Berguson C. Arrested in Parody // Scandinavian Studies. 2011. Vol. 83. Issue 1. P. 117-142.
18. Henry K. Russian Emigre Literature: Resisting Erasure // Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves. 1993. Vol. 27. Issue 1-4. P. 107-120.
19. Iangirov R. Body and Reflected Light. Notes on Emigré Women's Prose and Zinaida Gippius's Unwritten Book "Women and the Feminine" // Russian Studies in Literature. 2008. Vol. 44. No. 3. P. 7-36.
20. Kalb J.E. Nina Berberova: Creating An Exiled Self // Russian Literature. 2001. Vol. 50. Issue 2. P. 141-162.
21. McMillin A. Exiled Russian Writers of the Third Wave and the Emigre Press // Modern Language Review. 1989. Vol. 84. Issue 2. P. 406-412.
22. Peterson N.L. The Private 'I' in the Works of Nina Berberova // Slavic Review. 2001. Vol. 60. Issue 3. P. 491-512.
23. Porter R. Exiles in Literature: Traces of the Migrant in Czech, Russian and English Literature // Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves. 1999. Vol. 33. Issue 2-4. P. 231-244.
24. Reinert O. Unfashionable Kristin Lavransdatter // Scandinavian Studies. 1999. Vol. 71. Issue 1. P. 67.
25. Scolnicov N. Chagall's Tempest; an autobiographical reading // Shakespeare Survey. 2009. Vol. 62. P. 151-161.
26. Slobin G.N. Why the First-Wave Russian Literary Diaspora Embraced Shklovskian Estrangement // Poetics Today. 2005. Vol. 26. Issue 4. P. 697-718.
27. Wanner A. The Russian Immigrant Narrative as Metafiction // Slavic and East European Journal. 2011. Vol. 55. Issue 1. P. 58-74.

28. Zinoviev A. Russian-Language Literature in Emigration // Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Américaine d'études slaves. 1999. Vol. 33. Issue 2-4. P. 265-268.

The problem of creativity in critique of Ekaterina Bakunina (based on reviews in the journal *Chisla*, 1932-1934)

Mariya S. Simonova

Postgraduate,
Tomsk State Pedagogical University,
634061, 60 Kievskaya str., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: marsim@mail.ru

Abstract

Criticism has been one of the important activities of Russian émigré writers of the first wave. The aim of our study was the characterization of critical publications of Ekaterina Bakunina. Ekaterina Bakunina is a representative of the first wave of Russian emigration. In 1923, she emigrated to France. Her novel *Telo* (Body) aroused in the 1930s considerable controversy in the criticism. She published her critical articles in the journal *Chisla* in 1932-1934 years. Journal *Chisla*, published in Paris 1930-1934 years, played a major role in the history of Russian literature of the first wave of emigration. The article shows the thematic preferences of author criticism and creative principles of the writer. Essays by Ekaterina Bakunina show that she is close to the principle of "human document". It can be seen in her program essay and reviews, where the author draws attention to such features of the texts as the accuracy and naturalism. The writer is connected with the representatives of the "Parisian note" literary school by the motifs of loneliness, hopelessness, helplessness. Ekaterina Bakunina is different from most of Russian émigré writers of the first wave, because of her interest in the female subject, to the novels dedicated to a woman's life, the creativity of

other female writers. The interest to naturalism, to female writer's work and the motives of loneliness constitute the main original features of her reviews.

For citation

Simonova M.S. (2014) Problema tvorchestva v kritike Ekateriny Bakuninoi (po materialam retsenzii v zhurnale "Chisla", 1932-1934) [The problem of creativity in critique of Ekaterina Bakunina (based on reviews in the journal *Chisla*, 1932-1934)]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 6, pp. 10-27.

Keywords

Ekaterina Bakunina, literary criticism, the first wave of emigration, journal *Chisla*, "human" document, "Parisian note", women's prose.

References

1. Attias L. (2000) Spreading Chagall's Message. *ARTnews*, 99 (2), pp. 152-156.
2. Bakunina E. (1933) A.Sedykh. Lyudi za bortom [A.Sedykh. People overboard]. *Chisla* [Numbers], 9, p. 280.
3. Bakunina E.V. (1932) Dlya kogo i dlya chego pisat' [For whom and for what to write]. *Chisla* [Numbers], 6, pp. 255-256.
4. Bakunina E.V. (1932) Nina Berberova. "Poslednie i pervye" [Nina Berberova. "Last and First"]. *Chisla* [Numbers], 6, p. 258.
5. Bakunina E.V. (1932) Sigrid Undset. *Chisla* [Numbers], 6, pp. 264-265.
6. Bakunina E.V. (1933) Marc Chagal. Ma vie. *Chisla* [Numbers], 9, pp. 221-222.
7. Bakunina E.V. (1933) Russkaya skazka. Izbrannye mastera [Russian fairy tale. Selected masters]. *Chisla* [Numbers], 7/8, pp. 279-281.
8. Bakunina E.V. (1933) Vladimir Zenzinov. Le Chemin de l'Oubli. *Chisla* [Numbers], 7/8, pp 270-272.
9. Bakunina E.V. (1934) Geneviève Fauconnier. "Claude". *Chisla* [Numbers], 10, pp. 295-296.
10. Berguson C. (2011) Arrested in Parody. *Scandinavian Studies*, 83 (1), pp. 117-142.
11. Demidova O.R. (2000) "Emigrantskie docheri" i literaturnyi kanon russkogo zarubezh'ya ["Emigrant daughter" and the literary canon of the Russian diaspo-

- ra]. In: *Pol. Gender. Kul'tura* [Sex. Gender. Culture]. Moscow. Vol. 2. Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/bibl/pol_gender_cultura_m2000_d_b.htm [Accessed 22/01/2015].
12. Fel'zen Yu. (1933) Ekaterina Bakunina. Telo [Ekaterina Bakunina. Body]. *Chisla* [Numbers], 9, pp. 217-218.
  13. Henry K. (1993) Russian Emigre Literature: Resisting Erasure. *Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves*, 27 (1-4), pp. 107-120.
  14. Iangirov R. (2008) Body and Reflected Light. Notes on Emigré Women's Prose and Zinaida Gippius's Unwritten Book "Women and the Feminine". *Russian Studies in Literature*, 44 (3), pp. 7–36.
  15. Kalb J.E. (2001) Nina Berberova: Creating An Exiled Self. *Russian Literature*, 50 (2), pp. 141-162.
  16. Kazarkin A.P. (2004) *Russkaya literaturnaya kritika XX veka* [Russian literary criticism of the XX century]. Tomsk: TGU Publ.
  17. Letaeva N.V. (2003) *Molodaya emigrantskaya literatura 1930-kh godov: proza na stranitsakh zhurnala "Chisla"*. *Doct. Diss. Avtoreferat* [Young emigre literature of the 1930s: the prose in the journal "Chisla". Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
  18. McMillin A. (1989) Exiled Russian Writers of the Third Wave and the Emigre Press. *Modern Language Review*, 84 (2), pp. 406-412.
  19. Peterson N.L. (2001) The Private 'I' in the Works of Nina Berberova. *Slavic Review*, 60 (3), pp. 491-512.
  20. Porter R. (1999) Exiles in Literature: Traces of the Migrant in Czech, Russian and English Literature. *Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Americaine d'etudes slaves*, 33 (2-4), pp. 231-244.
  21. Ratnikov K.V. (1998) "Parizhskaya nota" v poezii russkogo zarubezh'ya ["Parisian note" in the poetry of the Russian diaspora]. Chelyabinsk: Chelyab. Gos. Univ. Publ.
  22. Reinert O. (1999) Unfashionable Kristin Lavransdatter. *Scandinavian Studies*, 71 (1), p. 67.
  23. *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskii slovar'* [The Russian literature of XX century. Novelists, poets, playwrights.

-
- Bibliographic Dictionary] (2005). Moscow: OLMA-PRESS Invest Publ. Vol. 1.
24. Scolnicov N. (2009) Chagall's *Tempest*; an autobiographical reading. *Shakespeare Survey*, 62, pp. 151-161.
25. Slobin G.N. (2005) Why the First-Wave Russian Literary Diaspora Embraced Shklovskian Estrangement. *Poetics Today*, 26 (4), pp. 697-718.
26. Struve G. (1956) *Russkaya literatura v izgnanii: opyt istoricheskogo obzora zarubezhnoi literatury* [Russian literature in exile: the experience of a historical review of foreign literature]. New York.
27. Wanner A. (2011) The Russian Immigrant Narrative as Metafiction. *Slavic and East European Journal*, 55 (1), pp. 58-74.
28. Zinoviev A. (1999) Russian-Language Literature in Emigration. *Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne-Américaine d'études slaves*, 33 (2-4), pp. 265-268.